

«План Г. К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации

Ю. А. Никифоров*

В первой половине 1990-х годов были рассекречены и опубликованы некоторые из важнейших документов Генерального штаба Красной Армии, значительно расширившие представления историков о подготовке СССР к возможной войне в 1940–1941 гг. Прежде всего, это четыре варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» Красной Армии, директивы Народного комиссара обороны СССР командованию округов, а также некоторые другие¹.

Наибольший интерес вызвал документ, названный при публикации «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»². Большинство историков он был интерпретирован как план упреждающего (превентивного) удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И. В. Сталину в мае 1941 г. «Генштаб предлагал нанести упреждающий удар, — пишет, например, П. Н. Бобылёв, — т. е. возложить на СССР инициативу в развязывании войны с Германией»³.

Вопрос о правильности такой интерпретации был отнесен на задний план тем обстоятельством, что ряд авторов сразу же использовали этот документ с целью доказательства намерения советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию в рамках широкой программы по «советизации Европы»⁴. Содержание развернувшейся дискуссии затемнялось использовавшейся терминологией: сторонники тезиса о подготовке Советским Союзом «упреждающего удара» употребляли это понятие как синоним акта агрессии, что затрудняло взаимопонимание участников дискуссии и в конечном итоге мешало решению конкретных вопросов: правомерно ли рассматривать «Соображения...» как действующий документ или И. В. Сталин отклонил предложение Генштаба, а, главное, не слишком ли

поспешно некоторые историки согласились считать «Соображения...» тем планом, согласно которому предполагалось открытие военных действий советскими войсками?

Истолкование исследователями майских «Соображений...» Генерального штаба как плана «упреждающего удара» (понимаемого как акт развязывания войны) основано на двух абзацах документа, предваряющих изложение целей и задач, ставившихся перед войсками Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывал автор документа, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле: 1. произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса; 2. под видом выхода в лагерь произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования; 3. скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл; 4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу»⁵.

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Сразу же отметим, что в тексте этих двух абзацев (равно как и в остальной части документа) нет прямых указаний на то, что авторы плана имеют в виду открытие военных действий войсками Красной Армии. Слова и выражения «упредить», «атаковать», «нанести внезапный удар» на уровне обыденного языка лишены того смысла, который в них вкладывают исследователи, интерпретируя весь отрывок в целом. В ходе любой войны войска сторон обмениваются ударами, внезапность которых для противника — важнейшая предпосылка победы, одно из слагаемых военного искусства. В декабре 1941 года наши войска, например, нанесли вермахту внезапный удар под Москвой, а в ноябре 1942 года — под Сталинградом. Так что атаковать противника, достигая при этом внезапности, можно и в ходе войны. Затруднение вызывает тот факт, что сделать это авторы «Соображений...» предполагали, упредив противника в развертывании, когда он не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Историкам, привыкшим писать о «вероломном и внезапном» нападении Германии, произошедшем 22 июня 1941 года, трудно представить себе, что война могла начаться как-то иначе. Некоторые авторы (прежде всего это касается российских эпигонов В. Суворова-Резуна) пытались даже утверждать, что «советская военная наука... считала, что ныне войны не объявляются, а начинаются внезапным ударом»⁶. В то же время известно (и в военно-исторической литературе это неоднократно подчеркивалось), что в 1930-х гг. советские военные теоретики по-разному определяли содержание начального периода войны, причем если в отдельных случаях — С. Н. Красильниковым, Г. С. Иссерсоном — и делались справедливые выводы, то они не получали официального признания, и дискуссия перед войной по этому вопросу еще не была завершена⁷. Рассекреченные документы предвоенного планирования только подтверждают тот факт, что советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника⁸.

Кроме того, следует также учитывать, что от правильных теоретических представлений значительная дистанция до усвоения или хотя бы знакомства с ними основной массы военных-практиков, чья военно-теоретическая подготовка, как считается, оставляла перед войной желать лучшего. Рассекреченные материалы декабрьского 1940 г. совещания высшего командного состава Красной Армии показывают, что советское военное командование не уделяло рассмотрению проблемы начального периода войны достаточного внимания. Так, за исключением начальника штаба Прибалтийского особого военного

округа генерала П. С. Кленова, ни один из выступавших на совещании с докладом или в прениях генералов не коснулся этой проблемы. П. С. Кленов решил высказаться по поводу содержания книги комбрига Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы» и подверг критике утверждение о том, что в предстоящей войне начального периода в прежнем его понимании не будет. «Вопрос о начальном периоде войны, — сказал Кленов, — должен быть поставлен для организации особого рода наступательных операций. Это будут операции начального периода, когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания. Это операции вторжения для решения особого рода задач. ...Это воздействие крупными авиационными и, может быть, механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям, на его от мобилизацию, сосредоточение и развертывание для того, чтобы сорвать их, отнести сосредоточение вглубь территории, оттянуть время»⁹. Сам факт, что выступление П. С. Кленова не послужило поводом для дальнейшего обсуждения этого принципиального вопроса, что больше никто из выступавших во время совещания его не поднимал, может свидетельствовать о том, что либо в руководстве Красной Армии господствовала данная точка зрения и ее противники не желали решительно высказаться в пользу позиции Г. С. Иссерсона, либо эта проблема действительно находилась на периферии интересов присутствовавших на совещании военных специалистов. Именно в таком ключе, например, расценивал содержание выступления Кленова и отсутствие реакции на него участников совещания В. А. Анфилов¹⁰. Опорой в данном случае могут служить «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова, где он говорил о том, что, хотя военная теория тех лет и была на уровне времени, однако практика «отставала от теории»: «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — писал Г. К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»¹¹. Другой непосредственный участник событий, А. М. Василевский, утверждал, что руководство Генштабом исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...». Тем не менее, признавал Василевский, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...»¹².

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных недавно документах планирования?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г., после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию»¹³. Таким образом, «нанесение удара» (Здесь и ниже курсив мой. — Ю. Н.) планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»¹⁴.

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого — оборонительного — этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п. V.6)¹⁵.

Еще одно подтверждение дают проведенные после декабрьского совещания высшего руководящего состава РККА оперативно-стратегические игры на картах. Задания на обе игры для противоборствующих сторон были составлены таким образом, что из них исключались операции начального периода войны. Не входила отработка операций начального периода войны и в учебные цели игр. Для нас, однако, имеет значение то обстоятельство, что, по условиям игр, «Западные» совершили нападение на «Восточных», не завершив развертывания (!)¹⁶.

Допустим, однако, что весной 1941 г. руководство Генштаба осознало факт несоответствия своих представлений о начале войны реально складывавшейся обстановке, что и нашло свое отражение в тексте «Соображений...» (Такая интерпретация, например, предлагается Г. И. Герасимовым, рассматривающего их как своего рода «ответ» Генштаба на проблему, поставленную Г. С. Иссерсоном¹⁷). В этой связи несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной — в мае-июне 1941 г. После публикации Ю. А. Горьковым директив Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планов, разработанных в округах на основе этих директив непосредственно перед нападением Германии, можно с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗаОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотобилизованные, сосредоточенные и развертывание

войск округа. /.../ Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника»¹⁸. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации¹⁹. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмотобилизования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяет основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск»²⁰. Учтем, что никаких наступательных задач войскам округа на этом этапе не ставится — только оборона. Попытки же некоторых авторов понимать «упреждающий удар» как операции войск прикрытия («активную оборону») по срыву вражеской мобилизации и развертывания²¹ выглядят запутывающей суть вопроса модернизацией, поскольку не находят опоры в источниках, где «активная оборона» начального периода войны призвана подготовить условия для нанесения «стремительных ударов» по противнику, — т. е. разделены.

Посмотрим, может быть Д. Г. Павлов и В. Е. Климовских думали иначе? В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗаОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника»²².

А что же командование ПриОВО? Говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»²³. Ясное не скажешь — война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПриОВО (еще раз подчеркнем, что командование *всех* без исключения округов ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а, значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, допустив, вслед за Г. И. Герасимовым, что Жуков и Тимошенко весной 1941 г. осознали ошибочность подобных представлений²⁴, следует признать, что убедить Сталина, судя по развитию событий, им не удалось, а объявить командованию округов о своем «прозрении» они не решились. К сожалению, строя подобные предположения, историк рискует перейти ту грань, которая отделяет основанную на фактах гипотезу от беспочвенных домыслов.

Тем более, что существуют и другие документы, отражающие тот факт, что командование Красной Армии, осуществляя подготовительные мероприятия, не исключало того, что военного столкновения с Германией летом 1941 г. не произойдет. В частности, как иначе расценить приказ Наркома обороны от 18 июня 1941 г., требовавший от командования приграничных округов форсировать строительство оперативных аэродромов с тем, чтобы закончить его к 1 октября?²⁵ Или, скажем, можно указать на датированные 17 мая и подписанные не только Тимошенко и Жуковым, но и А. А. Ждановым как членом Главного военного совета Красной Армии «Директивы о задачах боевой подготовки ВВС КА на летний период 1941 г.»²⁶ Здесь Нарком обороны и начальник Генштаба — только что якобы принявшие решение предложить Сталину напасть на немцев — требуют от командования Военно-воздушных сил «К 10 октября закончить подготовку частей к зиме»!

Итак, если исходить из того, что советское командование продолжало придерживаться «устаревших» взглядов на начальный период войны, следует признать, что выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование исследуемого отрывка как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо²⁷.

Отметим, что в тексте источника можно найти свидетельства в пользу того, что этот документ неправомерно рассматривать как план нападения СССР на Германию.

«Соображения...» составлены «на случай войны с Германией». Приводя данные о количестве немецких дивизий, которые будут выставлены против Советского Союза, авторы плана прямо пишут, в каком

именно «случае» эта война может произойти: если Германия нападет на СССР. «Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас /.../ до 180 дивизий». Надо думать, если бы Советским командованием рассматривался другой вариант развития событий, оценка немецких сил делалась бы и на этот случай — и была бы, видимо, другой. Здесь же авторы «Соображений...» исходят из того, что Германия выставит против СССР свои главные силы, а не задействует их, скажем, на Ближнем Востоке. Кроме того, планируя первым начать войну, советское командование не могло не определить срок, к которому войска должны были быть готовы для наступления. Примером здесь может служить план «Барбаросса», история подготовки которого в достаточной степени изучена. Отсутствие в «Соображениях...» такого рода даты уже весьма симптоматично, тем более что в тексте названы другие: «...Необходимо, — пишут авторы документа, — всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 году на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы». Согласившись считать «Соображения...» предложением начать войну летом 1941 г. (причем предполагалось, что Красная Армия будет победоносно наступать!), историки должны были бы объяснить, почему Генштаб через год военных действий рассчитывал вести их на тыловом рубеже Осташков-Почеп или на линии старой госграницы. Непонятно также, зачем в условиях планировавшейся наступательной войны* начинать (!) строить укрепрайоны на границе с Венгрией — чтобы обороняться на них в 1943 году? Каким образом можно было бы продолжать строительство укрепрайонов в условиях полномасштабных военных действий? Наличие внутренних противоречий в источнике, как правило, говорит о том, что истолкование какой-то его части ошибочно и нуждается в согласовании с другими.

Таким образом, истолкование цитированных выше абзацев документа как предложения начать войну летом 1941 г. не согласуется с другими фрагментами текста, и, кроме того, приводит еще к одному противоречию: в соответствии с пунктом IV «Сообра-

* Мы решительно возражаем против использования выражения «наступательная война» в качестве синонима войны захватнической, агрессивной, как это делается в работах В. А. Невежина, М. И. Мельтюхова и некоторых других авторов. В частности, названия работ В. А. Невежина: «Синдром наступательной войны», «Идея наступательной войны...», «Сталинский выбор 1941 г. — оборона или... „лозунг наступательной войны“?», «Собирались ли Сталин наступать в 1941 г.?», а также название сборника статей, автором и составителем которого он является — «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?», свидетельствуют либо о непонимании, либо о сознательном игнорировании разницы между наступлением как способом действий армии и наступательной войной как синонимом войны захватнической, агрессивной. Очевидно, что когда ряд исследователей используют выражение «наступательная война», они имеют в виду способ действия вооруженных сил, вопрос же о целях войны остается за скобками. См., напр.: Куманев Г. А., Шкляр Э. Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны. // Свободная мысль. № 2. 1995; См также: Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995. С. 293.

жений...» в мае–июне 1941 г. начали осуществляться мероприятия по скрытому отмобилизованию и сосредоточению войск Красной Армии²⁸, чего, казалось бы, не могло быть, если бы документ был отвергнут И. Сталиным. В то же время (май 1941 г.) перед войсками приграничных округов директивами Генштаба были поставлены исключительно оборонительные задачи. Более того, командование КОВО запланировало меры по инженерной подготовке ТВД — в частности, сосредоточение дополнительного количества мин и колючей проволоки — на июль и август 1941 г.!

На наш взгляд, эти противоречия свидетельствуют о том, что интерпретация «Соображений...» как предложения начать войну неверна. Разрешить же их можно в том случае, если признать, что фраза документа о необходимости «упредить противника в развертывании и нанести внезапный удар» не тождественна в данном случае предложению открыть военные действия. Составители плана, учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война всё-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. (В этой связи уместно сослаться на работы О. В. Вишлёва, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии²⁹). В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадёт хронологически с началом военных действий. Напомним здесь еще одно известное признание Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»³⁰.

Нужно констатировать, что советскому военному руководству не удалось осмыслить и найти ответ

на проблему, поставленную опытом германо-польской войны и осмысленную Иссерсоном. Проблеме, связанную с осознанием неравности стартовых условий для Германии и СССР при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета Гесса, время требовало немедленных решений по упреждению (см. интервью Василевского 1992 г.).

Высказанные нами соображения, как представляется, следует принять во внимание, чтобы получившая распространение в новейшей литературе интерпретация не закрепились в историографии как единственно возможная³¹. Вопрос, на наш взгляд, остается дискуссионным, и разрешить его окончательно можно только с привлечением дополнительных источников.

Тем не менее ряд российских историков — В. А. Анфилов, Ю. А. Горьков, Л. А. Безыменский и некоторые другие, — не принимая точки зрения и выводов сторонников ревизионистской концепции, согласились рассматривать майский вариант «Соображений...» как план упреждающего удара, имея при этом в виду предложение открыть военные действия³². Дополнительным аргументом в данном случае являлись свидетельства В. А. Анфилова, Н. А. Светлишина и И. С. Стаднюка, согласно которым Г. К. Жуков, а также В. М. Молотов в частных беседах якобы признали факт сделанного Генштабом предложения, которое было И. Сталиным отвергнуто³³. Эта версия получила распространение в литературе. Так, Н. М. Раманичев, основываясь на рассказе В. А. Анфилова, рассуждает следующим образом: прежде чем представить документ И. В. Сталину, Тимошенко и Жуков «решили проверить его реакцию на идею упреждающего удара»; поскольку реакция была отрицательной, ясно, что самого документа Сталин не видел³⁴. На наш взгляд, такого рода свидетельства не могут играть роль решающего доказательства. Тем более, что сообщаемая В. А. Анфиловым (также якобы со слов Г. К. Жукова) информация относительно содержания оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г., содержащаяся на соседних страницах его монографии, оказалась не вполне соответствующей действительности³⁵.

Свидетельства историков о сделанном им Г. К. Жуковым признании появились в тот период, когда в средствах массовой информации развернулась кампания по внедрению в общественное сознание представлений в духе книги В. Суворова-Резуна «Ледокол», и использовались непосредственно с целью опровержения содержащихся в ней утверждений. В опубликованном же наследии Г. К. Жукова не содержится ничего похожего на эти признания. В то же

время Г. К. Жуков письменно засвидетельствовал (выше уже цитировалось одно из таких высказываний), что Генштаб исходил из того, что главные силы сторон вступят в сражение только через несколько суток после начала войны: «Ни Комиссариат обороны, ни я сам, ни мои предшественники... не думали, что противнику удастся сосредоточить такую массу... сил и задействовать их в первый же день...» Руководство Красной Армии не смогло заранее оценить «ударную мощь немецкой армии... Это был основной фактор, предопределивший наши потери в начальный период войны»³⁶.

В высшей степени характерно, что до издания в России книг В. Суворова-Резуна историки не видели оснований для того, чтобы рассматривать «Соображения...» как предложение открыть военные действия. Д. А. Волкогонов, например, цитируя этот документ в книге «Триумф и трагедия», изданной в 1989 году, сопроводил их следующим комментарием: «Генштаб и ГУПП полагали, что оборона может быть лишь кратковременной: войска готовились наступать. Отразить нападение и наступать...»³⁷ А. Г. Хорьков, чья книга «Грозовой июнь» появилась в печати в 1991 г., используя выражение «упреждающий удар», понимал его как «ответный удар», соответствующий представлениям советской военной науке того времени о начальном периоде войны. «Исходные расчеты советского руководства, — писал он, — основывались на предположении, что обе стороны, вступающие в войну, введут в начальные сражения лишь часть заранее развернутых сил, а главные силы в это время будут завершать мобилизацию и продолжать сосредоточение под прикрытием войск первого стратегического эшелона. В имевшихся планах решающим моментом /.../ являлось принципиальное решение вопроса: какого варианта с началом войны (подчеркнуто нами. — Ю. Н.) придерживаться — либо первым осуществить наступление на противника, т. е. нанести упреждающий удар, или вначале отразить его удар, а затем перейти в решительное наступление»³⁸. И позже отдельные историки — в частности, Ю. С. Солнышков — не видели в тексте майских «Соображений...» предложения «нанести удар в 1941 г.»³⁹

К сожалению, голос тех исследователей, кто не торопился признавать «Соображения...» планом «упреждающего удара», в соответствии с которым война должна была быть развязана Советским Союзом, звучал недостаточно громко. Более того, было проигнорировано мнение непосредственного свидетеля и участника тех событий, причем весьма информированного — П. А. Судоплатова, который дожил до наших дней и успел откликнуться на развернувшуюся дискуссию по поводу советских предвоенных планов и, в частности, «Соображений...» от 15 мая 1941 года. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, —

заявил он, — что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий»⁴⁰.

Представляется, таким образом, что утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, лишено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующее истолкование майских «Соображений...» Генштаба нельзя не признать произвольным.

В заключение следует высказать несколько дополнительных замечаний относительно содержания развернувшейся в 1990-е гг. дискуссии вокруг советских предвоенных планов.

Толчком к ней послужила публикация сначала на Западе, а затем и в России книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол», главная идея которой состоит в обосновании тезиса о наличии у СССР агрессивного замысла по завоеванию Европы, практическая подготовка к реализации которого ускоренными темпами велась весной 1941 г. Некоторые авторы, очевидным образом подпав под обаяние книги Резуна, с энтузиазмом увидели в предложении авторов «Соображений...» упредить противника в развертывании и нанести внезапный удар доказательство правоты его «концепции». Этот энтузиазм был тем более объясним, что никаких документальных подтверждений версия об агрессивных замыслах советского руководства не имела, историками всерьез не воспринималась, и ее сторонники испытывали серьезные затруднения в легитимации соответствующих представлений и придании им хоть какой-то видимости «научности»⁴¹.

Намерение Сталина начать войну в работах этих историков связывалось с характером существовавшего тогда в СССР режима: «... Не столько необходимостью борьбы с агрессией, сколько далеко идущими планами и коммунистическими амбициями устранения власти капитализма на пути к мировой революции определялась деятельность политического и военного руководства в предгрозовой обстановке 1941 года», — писал, например, В. Д. Данилов⁴². Ему вторил М. И. Мельтюхов, считая, что основной внешнеполитической целью Советского Союза было «достижение мирового господства»⁴³. На эти и им подобные утверждения аксиоматического характера опиралось затем истолкование фактов и документов предвоенной истории.

Некоторые согласились с этой аргументацией: так, в частности, член-корреспондент РАН А. Н. Са-

* Использование А. Г. Хорьковым термина «ответный удар» представляется в данном случае не вполне корректным, что, впрочем, не меняет сути дела.

харов, опираясь на работы этих историков, сделал вывод, что нанесение летом 1941 г. упреждающего удара позволило бы нашей стране победить быстрее и с меньшими потерями⁴⁴. Однако, строго говоря, ни о каком упреждающем ударе в работах названных авторов речи не идет — СССР, по их мнению, готовился к завоевательному походу. «...Ни Германия, ни СССР, — писал, например, М. И. Мельтюхов, — не рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприменим»⁴⁵.

В советское время показу несостоятельности тезиса о превентивном характере гитлеровского нападения 22 июня 1941 г. историками уделялось немало внимания⁴⁶. В то же время, в литературе, посвященной этой проблеме, зачастую не проводилось четкой грани между превентивной войной в том значении, которое вкладывалось в это понятие идеологами гитлеризма, и превентивным ударом как специальным военным термином, что сегодня приводит к определенным трудностям в анализе как самой проблемы, так и посвященной ей историографии. Очевидно, что существует принципиальная разница между «превентивной войной», о которой десятилетиями твердила западногерманская правоконсервативная историография, и «превентивным ударом», дискуссия по поводу которого была навязана российским историкам в первой половине 1990-х годов.

Интерпретируя «Соображения...» Генштаба как предложение нанести упреждающий удар, большинство специалистов имеют в виду военную операцию, предпринимаемую в оборонительных целях ввиду изготовившегося к агрессии (или уже начавшего ее) противника⁴⁷. При таком понимании данного термина дальнейшее обсуждение вопроса о соответствии ему содержания предложений Генштаба вполне оправдано. Аргументацию же тех авторов, которые используют это выражение как синоним

нападения, не мотивированного внешней угрозой, нужно отвести как неубедительную. Прежде всего в силу неоправданного отождествления в работах этих историков терминов «наступление» и «нападение», «агрессия»⁴⁸.

Что касается авторов «Соображений...», то они пишут: «Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо...» «Предотвратить», «упредить» — вот терминология, используемая авторами документа. План ставит перед советскими войсками ограниченные задачи: разгром основных группировок противника на территории Польши и Восточной Пруссии, что, указывал Ю. А. Горьков, вполне укладывается в рамки фронтовой операции⁴⁹.

Таким образом, если не путать нанесение упреждающего агрессора удара, совершаемого в целях обороны, с наступлением в целях завоевания, то необходимо признать, что в «Соображениях...» Генерального штаба Красной Армии невозможно увидеть план, который бы соответствовал «экспансионистским устремлениям» советского руководства. Из его текста отчетливо видно, что советское командование исходило из признания угрозы со стороны Германии, оценивало ее войска как изготовившиеся для нападения и свои действия рассматривало как ответные.

Более того, «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какого некоторыми историками было потрачено немало усилий⁵⁰) в принципе не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г. Между подготовкой к войне и принятием решения о ее развязывании — пропасть, перепрыгнуть которую сторонникам Суворова-Резуна, несмотря на все старания, так и не удалось.

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17–20; 1992. № 1. С. 24–29; № 2. С. 17–22; Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Военно-исторический журнал. 1996. № № 2, 3, 4, 6; Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998.

² Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40–45; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 303–309; 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 215–220; Впервые опубликовано: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17–19.

³ Бобылёв П. Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 16.

⁴ См., напр.: Афанасьев Ю. Н. Другая война: история и память // Другая война: 1939–1945. М.: РГУ, 1996. С. 24; Данилов В. Д. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; Мельтюхов М. И. «И на вражьей земле мы врага разобьем...» (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995. № 6. С. 67–72; Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 98–99; и др.

⁵ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 216. Также см.: Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 43–44; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.

⁶ См.: Мельтюхов М. И. Современная отечественная историография предыстории Великой Отечественной войны (1985–1995): дисс... канд. ист. наук (07.00.09) / Гос. акад. сферы быта и услуг. М., 1995. С. 144; Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М.: РГУ, 1996. С. 497.

⁷ См., например: Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. М.: Воениздат, 1973. С. 157.

⁸ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. М., 1998. С. 153–159.

⁹ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1993. С. 153–154.

- ¹⁰ См.: Анфилов В. А. Незабываемый сорок первый. М., 1989. С. 18; Анфилов В. А. Дорога к трагедии 41-го года. М., 1997. С. 131.
- ¹¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Воениздат, 1974. Т. 1. С. 230, 240.
- ¹² Василевский А. М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубл. интервью маршала Советского Союза А. М. Василевского от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 8.
- ¹³ 1941 год: в 2-х кн. Кн. 1. С. 247.
- ¹⁴ Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.
- ¹⁵ Там же. С. 492–493.
- ¹⁶ См.: Бобылев П. Н. Указ соч. С. 7–8.
- ¹⁷ См.: Герасимов Г. И. «Мобилизация есть война...»: Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 9–10.
- ¹⁸ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др. М., 1998. С. 227; Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 117.
- ¹⁹ Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 120.
- ²⁰ См.: Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 8.
- ²¹ См.: Бобылев П. Н. Указ. соч.; Мельтюхов М. И.
- ²² См.: Там же. № 3. С. 11.
- ²³ Там же. № 2. С. 13. Пунктами «II б» и «II д» плана ПриОВО определяются задачи обороны, аналогичные содержащимся в планах КОВО и ЗапОВО: Там же. № 2. С. 9.
- ²⁴ См.: Герасимов Г. И. Указ. соч. С. 9–10.
- ²⁵ Приказы НКО СССР 1937 — 21.6.1941 г. Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 279–280.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 82. Л. 49–58; Оpubл. в кн.: Драбкин А. Я дрался на истребителе. М., 2005. С. 475.
- ²⁷ Утверждения же вроде: «В документе неоднократно подчеркивается (курсив наш — Ю. Н.), что именно Красная Армия будет инициатором военных действий» (Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 387–388) и вовсе вызывают недоумение, если не сказать больше.
- ²⁸ Сам по себе данный факт, как бы ни хотелось этого эпигонам В. Суворова, не может служить доказательством решимости руководства СССР начать летом 1941 г. войну.
- ²⁹ См.: Вишлев О. В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96; Вишлев О. В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М. 1995. С. 39–53; Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; и др.
- ³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 29–30.
- ³¹ Во многих новейших работах тезис о сделанном Генштабом предложении нанести упреждающий удар излагается уже как нечто само собой разумеющееся и в обосновании не нуждающееся. См., напр.: Макар И. П. Из опыта планирования стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 4–5, 9.
- ³² См., напр.: Горьков Ю. А., Семин Ю. Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 111; Безыменский Л. А. О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
- ³³ Анфилов В. А. Грозное лето 41-го. М.: Анкил-воин, 1995. С. 67; Анфилов В. А. Дорога к трагедии 41-го года. М., 1997. С. 167; Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 57–58; Стаднюк И. С. Нечто о сталинизме // О них ходили легенды. Серия «О них ходили легенды» в 15-ти томах: Сборник. М., 1994. С. 423–424.
- ³⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. С. 118.
- ³⁵ В. А. Анфилов пишет, что Г. К. Жуков, рассказывая ему о военно-стратегических играх на картах, состоявшихся в январе 1941 года, изобразил на рукописи монографии В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг» «три мощных удара» «синих», разгромившие группировки «красных», охарактеризовав игру как «генеральную репетицию начала Великой Отечественной войны» (Анфилов В. А. Указ. соч. С. 155; Анфилов В. А. Грозное лето 41-го года. М., 1995. С. 56–57). Рассекреченные же материалы декабрьского 1940 г. совещания и состоявшихся по его окончании игр свидетельствуют, что ход игр был совершенно иным (См.: Справка об оперативно-стратегических играх, проведенных с участниками декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1993. С. 388–390; Бобылев П. Н. Указ. соч.; Его же: Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 33–34).
- ³⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 324; Симонов К. М. Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 53.
- ³⁷ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. М.: Издательство АПН, 1989. С. 136.
- ³⁸ Хорьков А. Г. Грозной июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 235.
- ³⁹ Солнышков Ю. С. По поводу статьи генерал-полковника Ю. А. Горькова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 240.
- ⁴⁰ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 216.

- ⁴¹ В попытках найти какие-нибудь «компрометирующие» документы пришлось даже прибегнуть к реанимации такой известной фальшивки, как «Речь И. Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г.» (См.: Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1).
- ⁴² Данилов В.Д. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сентября. С. 10.
- ⁴³ См.: Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 5; а также другие работы этого автора.
- ⁴⁴ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 38.
- ⁴⁵ Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 18.
- ⁴⁶ См.: Куманев Г.А., Курбанов В.В. Миф и «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 3. М., 1974; Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. Изд. 2-е. М., 1975; Якушевский А.С. Правде вопреки. Киев, 1981; и др.
- ⁴⁷ Об этом см.: Орлов А.С. Роковой 41-й: готовил ли Советский союз нападение на Германию? // Россия XXI. 2001. № 3. С. 80–81.
- ⁴⁸ Характерным, в данном случае, является подход В.А. Невежина, понимающего «наступательную» войну как войну экспансионистскую — см., напр.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997. С. 155.
- ⁴⁹ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 62.
- ⁵⁰ См.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000; а также другие работы этих авторов.